

Что ни спуск с горы, то новое происшествие. В прошлый раз конкуренты явились учинять разборки прямо в лавке, а нынче шестеро толпой прижали одного да спустили к самому порогу?

Бай Сяоху вышел на улицу, осторожно огибая лежавшее на земле «препятствие».

Однако избежать участи не удалось: избитый сгреб его в охапку прямо за лодыжку.

Бай Сяоху застыл.

Жуань Рулинь замер.

Шестеро гостей напротив тоже опешили.

Девушка с мечом вскинула взгляд на Бай Сяоху и нахмурилась. В ее глазах явно читалось: «Красив-то красив, а умом, видать, обделен».

— Так это ты его молодой господин? — спросила она, указав мечом.

Указывала она, разумеется, не на Юйчжу, а на лежащего у ног юноши бедолагу.

Бай Сяоху мгновенно понял расклад: этого типа только что оттузили, и теперь он пытался цепляться за первого встречного, рассчитывая на спасение. Разумеется, сорняк не был бессердечным и, пожалев несчастного, уже собирался расспросить о причинах драки. Но тут за его спиной подал голос Жуань Рулинь:

— Нет-нет! Мы только собирались выйти, как этот тип свалился буквально нам под ноги!

Он сделал шаг вперед, и обе стороны узнали друг друга.

— Жуань Рулинь? — удивилась заклинательница.

— Собственной персоной, — отозвался тот. — Вы что же, все вместе пришли? Навестить брата Фу?

— Именно так.

Один из пяти спутников девушки выступил вперед:

— После той битвы мы все получили ранения. Тяжелее всех пришлось даосу Цэню, да и

остальные лишь недавно смогли подняться с кроватей. Едва оклемались, сразу поспешили сюда.

Заговорившего опекал клан Фан из Северных земель, а звали его Фан Шаолян. Упомянутый им даос Цэнь — Цэнь Мин — тоже присутствовал здесь и приходился родным братом вспыльчивой заклинательнице. Остальные трое были теми самыми товарищами, что сражались плечом к плечу с Фу Са в день его рокового ранения. В тот день их собралось восьмеро: за вычетом феи Цинбо, получившей лишь легкие царапины, присутствовали все шестеро.

Сестра Цэнь Мина, Цэнь Тун, все еще пылала гневом. Узнав, что Бай Сяоху с Жуань Рулинем задно, она перестала смеривать юношу подозрительным взглядом и обрушила ярость на стонущего у ног парня:

— Откуда только взялся этот никчемный ублюдок! Набрался дерзости порочить Фу Са! Вот уж поистине: не забью до смерти — не успокоюсь!

Лодыжка Бай Сяоху оставалась в мертвой хватке, вырвать ногу не удавалось, но язык-то у него никто не отнимал:

— Да в чем дело-то? Объяснит кто-нибудь?

Фан Шаолян поспешил с разъяснениями:

— Мы шестером шли навестить Фу Са, но едва вошли в город, как услышали, о чем болтает этот мерзавец. Попытались призвать его к ответу, а он распетушился: дескать, вот приедет его молодой господин и покажет нам, где раки зимовать. Сяо Тун у нас девушка горячая — не сдержалась, ну и завладела инициативой.

— А при чем тут моя горячность?! — вставил другой заклинатель. — Кабы не мои раны и не заблокированная духовная энергия, я бы сам из него всю дурь выбил! Что этот мерзавец знает о Фу Са, чтобы распускать столь гнусные сплетни? В тот день на месте той девицы мог оказаться любой из нас — хоть такой уродливый толстяк, как я, — и Фу Са все равно ринулся бы на выручку, не жалея жизни! А этот негодяй плетет, будто брат Фу погнался за красотой, да обожженным и остался, пока фея Цинбо упорхнула в чужие объятия!

Слушая его, Бай Сяоху окинул оратора быстрым взглядом. Мужчина и впрямь был дородным. В мире самосовершенствования тучные люди встречались редко, а у этого к тому же все лицо покрывали нездоровые бугры и шишки — привлекательным его назвать не поворачивался язык.

Впрочем, дослушав до конца, юноша мгновенно забыл о внешности собеседника. Все его внимание приковал к себе негодяй, судорожно вцепившийся в его ногу.

Тот сжимал лодыжку все сильнее, и если прислушаться, сквозь стоны можно было разобрать лепет: «Молодой господин... спасите...»

«Ишь чего удумал! — мелькнуло в голове у юноши. — Наговорят гадостей про Фу Са, а теперь зовет меня господином, чтобы навесить свои грехи и заставить отдуваться?»

Не раздумывая ни секунды, Бай Сяоху со всей силы брыкнул ногой, отбрасывая проныру прочь:

— Никчемный мусор! Да что ты вообще понимаешь?! Вот увидишь, эта твоя так называемая фея Цинбо еще локти себе искушает!

Прежде юноша молчал, и Цэнь Тун находила его лишь привлекательным, но стоит ему проявить силу и рявкнуть, как от него повеяло такой свирепостью, что девушка на мгновение опешила и даже слегка остыла.

— И кто господин у этого ничтожества? — строгим тоном осведомился Бай Сяоху.

Он твердо решил: отныне хозяину этого слизняка он не продаст ни единой пилюли. В черный список! Немедленно и навсегда!

— Да почем мне знать! — беспомощно разводя руками, отозвалась Цэнь Тун.

Она вспылила на месте и оттузила негодяя, даже не поинтересовавшись его покровителями.

— Давайте повесим его на городскую стену, — деловито предложил Бай Сяоху. — Хозяин увидит — сам прибежит выручать.

Цэнь Тун опешила, а затем перевела взгляд на Жуань Руиня:

— Младший брат Жуань, а откуда вообще взялся этот твой приятель? Он, похоже, еще свирепее, чем я!

Жуань Руинь сам был в замешательстве:

— Да отличный он парень! Только что подарил мне полдюжину котелков пилюль иллюзорного духа...

— Сейчас не об этом! — сдвинул брови Бай Сяоху. — Мне нужно знать имя его хозяина. Я должен занести его в черный список!

Присутствующие переглянулись, не ведая, где искать отгадку. Цэнь Тун расправлялась с хамом

впопыхах и не задавала лишних вопросов. Теперь же она недоумевала:

— А где сам-то этот молодой господин? Почему до сих пор не явился?

— Наверное, испугался и сбежал.

После этой словесной перепалки прежняя ярость улетучилась. Фан Шаолян наконец смог спросить:

— А как обращаться к уважаемому даосу?..

Жуань Рулинь поспешил разрядить обстановку:

— Это даос Бай, Бай Сяоху, мастер пилюль.

Затем он повернулся к Бай Сяоху и представил спутников:

— Это Фан Шаолян, младший молодой господин клана Фан из Северных земель. Эти двое — брат и сестра Цэнь из секты Сяояо: Цэнь Мин и Цэнь Тун.

Остальные трое назвали сами, не дожидаясь представления:

— Цин Цзянь из Секты Меча.

— Бродячий заклинатель Хуан Лян.

— Бродячий заклинатель Толстый Старый Монстр.

Бай Сяоху понял, что прозвище «Толстый Старый Монстр» явно дали заклинателю из-за шишек от родовой ядовитой скверны на лице.

Никто из них, кроме Цин Цзяня в зеленом и Хуан Ляна в желтом, не имел броских примет. Фан Шаолян был в белом, Цэнь Мин — в синем, а его сестра — в пурпурном наряде.

Запомнив всех, Бай Сяоху не стал задерживать торговлю у дверей своей лавки. Гости и без того направлялись к Фу Са, так что, узнав об общей цели, решили идти вместе.

Отойдя на некоторое расстояние, Бай Сяоху оглянулся и заметил, как к побитому бедолаге подскочил какой-то человек. Юноша потянул Жуань Рулиня за рукав, привлекая внимание.

Жуань Рулинь прищурился, разглядел нефритовый подвес на поясе незнакомца и фыркнул:

— А-а, так это их люди! Ну тогда все понятно, отчего у этого пса язык так распустился.

— Чьи «их»? — спросил Бай Сяоху.

— Клана Тун, — ответил Фан Шаолян, который тоже заметил подмогу. — Нынешний даосский спутник феи Цинбо как раз из клана Тун.

Бай Сяоху мгновенно сложил пазл:

— Я-то гадал, какой дурак подберет то, что выбросили. Но судя по всему, если бы он был достойным человеком, до такого свинства не опустился бы.

— Сука и кобель — парочка что надо! — без обиняков выдала Цэнь Тун. — Я сразу твердила, что эта Цинбо — чистой воды белая лилия, а вы не верили! Брат мой и вовсе хорош: сох по ней, пока она за Фу Са бегала. Не вертись она подле брата Фу, мой глупец точно приударил бы за ней!

— Перестань, ничего такого не было, — смущенно кашлянул Цэнь Мин.

— Ладно-ладно, не было так не было, — усмехнулась сестра. — Теперь-то уж точно ничего не будет, выскочила замуж — и скатертью дорога!

Цэнь Мин промолчал, а Фан Шаолян сгладил неловкость:

— Ну-ну, не кипятись. Цэнь Мин очень тебя бережет. Ему еще сестру замуж выдавать, так что твоим мнением он пренебрегать не станет.

Бай Сяоху поддержал тему:

— Это уж точно. Говорят, любая девушка насквозь видит фальшивых святош. Любые трюки белых лилий не укроются от пытливого женского зора. Твоему брату повезло иметь такую защитницу, как ты. Он, небось, просто стесняется признаться и держит все в себе, оттого тебе и кажется, будто он тебя не слушает.

— А ты за словом в карман не лезешь! — хмыкнула Цэнь Тун. — Интересно, скольким девушкам ты еще головы задуришь?

— Сколько бы ни было, я обязательно приведу их к тебе на смотрины! — тут же отозвался юноша. — А то еще заведется какая-нибудь синяя или зеленая лилия, вытащит из меня

кошелек да разобьет сердце.

Цэнь Тун расхохоталась:

— Договорились! Я за ними присмотрю.

Юйчжу, слушая разговор, тихонько потянул хозяина за рукав:

— Молодой господин, да какие еще «девушки»? Вы ничего не забыли?

— Ах да! — опомнился Бай Сяоху. — Мне же нравятся мужчины! Девушка Цэнь, а мужчину сможешь оценить?

Цэнь Тун разделила его веселье:

— Думаю, справилась бы!

Юйчжу сокрушенно сжал губы. Он-то намекал вовсе не на это! Разве молодой господин забыл про брачный договор с молодым господином Фу? Свадьбу еще не сыграли, а он уже заглядывается на каких-то девушек... то есть мужчин?!

— Молодой господин... — снова шепнул слуга.

Бай Сяоху ухмыльнулся:

— Ладно-ладно. На горе как раз есть один, которого я только-только прибрал к рукам. Девушка Цэнь, глянешь потом, не из капризных ли он?

Все дружно расхохотались, приняв его слова за безобидную шутку. Они-то думали, что Жуань Рулинь ведет своего друга проводить Фу Са, а оказалось, парень просто идет проводить любовника.

— Экая расторопность, браток! Тебе ведь и девятнадцати нет, а уже вовсю милуешься? — подмигнул Хуан Лян.

Отсмеявшись, Фан Шаолян посерьезнел:

— А теперь слушайте внимательно. Когда увидим Фу Са, прикусите языки. Ни слова о культивации, ни слова о духовных корнях и уж тем более о его ранениях! И не думайте дарить подарки, требующие духовной энергии. Хм, хотя обычные вещицы тоже могут задеть за живое...

— Достаточно просто прийти, — бросил Цин Цзянь. — Фу Са никогда не придавал значения условностям.

Фан Шаолян вздохнул:

— Помню, раньше шутили, что через пару лет придется звать его старшим Фу и кланяться при встрече, несмотря на возраст. А теперь...

— Вот на горе все эти речи и оставь, — строго отрезала Цэнь Тун.

Жуань Рулинь на мгновение замер. «Неужели нужно быть столь осторожными?» — подумал он. Вспомнив свой вчерашний визит и то, как он вслух поражался уровню культивации Бай Сяоху прямо перед Фу Са, парень побледнел. Неужели он поступил дурно?

Впрочем, Фу Са вчера не выглядел расстроенным и спокойно уплетал целебные блюда, укрепляющие жилы и каналы.

Жуань Рулинь хотел было сказать, что друзья чересчур сгущают краски, но промолчал. Осторожность не повредит. В тот раз он действительно проявил беспечность — недаром старший брат твердил, что его уровень растёт, а ума не прибавляется.

Фан Шаолян продолжал:

— В тот день нам не хватило сил, чтобы одолеть демонов, из-за чего Фу Са и принял на себя весь удар. Если ему что-то понадобится, мы обязаны помочь без лишних слов.

— Зачем говорить об этом вслух? Главное — помнить, — добавил Цэнь Мин.

— Да это и так понятно, — сдвинула брови Цэнь Тун. — Больше всех задолжала ему Цинбо. Ей сказали «фея», а она и возомнила себя невесть кем. Мало того что не сберегла благодарность, так еще и отплатила злом за добро. Не дай бог она попадет мне на глаза — изрублю в капусту!

Бай Сяоху шел рядом и слушательской чехардой искренне развлекался. Нынче его культивация слегка подросла, тело лучше удерживало тепло, а потому и шаг его стал легким да размеренным.

Вскоре они поднялись к поместью.

Стражник у ворот поклонился:

— Молодой господин Бай вернулся.

Фан Шаолян и остальные удивленно переглянулись: «Молодой господин Бай? Ему тут рады прямо как хозяину?»

Жуань Рулинь поспешил объяснить:

— Это даос Бай, Бай Сяоху. Он не только искусный фармацевт, но и готовит удивительные целебные снадобья. Сейчас он выхаживает брата Фу. Я пробовал его стряпню — брат мой остался в таком восторге, что решил открыть с ним совместную лавку!

Гости прониклись еще большим уважением. Ступень Очищения Цзи у юноши была невысокой, да и выглядел он совсем юным, но, видать, обладал немалым талантом, раз клан Фу доверил ему здоровье своего гения. К тому же сам Жуань Ручэнь одобрил его мастерство.

— Мы премного благодарны вам, даос. Надеемся на ваше искусство, — произнес Фан Шаолян.

Бай Сяоху махнул рукой:

— Пустяки, это моя обязанность.

Гости не стали уточнять, что означает «обязанность», поскольку уже вошли во двор и увидели Фу Са.

Тот стоял у ворот, слегка нахмурившись.

— Опять спускался с горы? — тихо спросил он.

Рядом находился слуга Цин Цзе:

— Да, но молодой господин Бай обещал вернуться к обеду... О, вот и он!

Фу Са повернулся и увидел целую процессию из девяти человек.

— Это...

Бай Сяоху сразу же шагнул вперед:

— Собирался домой обедать, да столкнулся у лавки с твоими друзьями. Они как раз шли тебя проведать, вот я и привел всех с собой. Скажите на кухне, чтобы добавили еще блюд, поедим да побеседуем.

Цин Цзе с Юйчжу тут же устремились на кухню отдавать распоряжения.

Фан Шаолян и остальные уже годы не вкушали обычной пищи, но отказаться в такой ситуации означало бы бахвалиться своей культивацией перед искалеченным Фу Са. Пришлось садиться за стол.

Однако едва первая ложка оказалась во рту, как чистейшая духовная энергия мягкой волной разлилась по телу.

— Это блюдо... — опешил Фан Шаолян.

— Необычное, правда? — с гордостью хмыкнул Жуань Рулинь. — Это целебное яство! Лечит болезни, укрепляет тело. Мы с братом открываем совместное дело. Если будете со мной ласковы, попрошу брата сделать вам скидку!

— С чего это твоему брату делать скидки по твоей указке? — поддел его Хуан Лян.

— А то ты не знаешь! Что принадлежит моему брату, то и мое! — отрезал Жуань Рулинь.

Бай Сяоху молча ел, мысленно восхищаясь способностью Жуань Рулиня уводить любой разговор в неожиданное русло.

В конце концов гости разобрались в сути целебной кухни, хотя Жуань Рулинь, подражая Бай Сяоху, успел их разыграть. И хотя позже все разъяснилось, пятеро заклинателей-мужчин принципиально не прикоснулись к блюду, восполняющему почечную инь.

Мужское самолюбие — вещь тонкая!

Бай Сяоху тихонько похихикивал в кулак.

Фан Шаолян и его товарищи время от времени бросали на юношу заинтригованные взгляды. Им хотелось расспросить его о состоянии Фу Са наедине, но Бай Сяоху мгновенно раскусил их замысел и выложил все прямо при больном:

— Духовный корень переломился с хрустом — «хрясь!», и готово. Не понимаете? Возьмите палочку для еды да переломите, сразу яснее станет. Сейчас там держится все буквально на соплях: кость перебита, да жилы не порвались. А меридианы запутались так, будто кто-то бросил на пол горсть красной фасоли — сплошной хаос и повреждения.

Все замерли от такой вопиющей прямоты.

— В остальном ничего смертельного, обычные раны, у вас у самих таких полно, — продолжил Бай Сяоху, указав пальцем на Толстого Старого Монстра. — Вот у тебя, к примеру, вообще врожденный яд в крови сидит, и ничего, живешь. Так что раны Фу Са — это мелочи.

Присутствующие так опешили от сравнения с переломанной палочкой и фасолью, что даже Толстяк не сразу осмыслил слова про свой яд.

Жуань Рулинь же решил проверить аналогию буквально и пальцами переломил свою палочку. Поскольку он был заклинателем, деревяшка со щелчком разлетелась на две ровные половинки.

Бай Сяоху едва удержался, чтобы не выставить его за дверь за глупость.

Фу Са, слушавший это, не удержался от тихого замечания:

— Так в ту ночь, щупая мне пульс, ты действительно все понял?

«Тогда почему ты потом вернулся и спросил, правда ли раны так тяжелы?» — пронеслось в голове у Фу Са.

Его остывшее, привыкшее к отчаянию сердце вдруг пропустило удар, но он тут же заставил себя подавить вспыхнувшую надежду.

«Не стоит строить иллюзий, — подумал он. — Прежде я уже ошибался на его счет». Ведь он считал, что Бай Сяоху ничерта не смыслит в медицине, а юноша поставил безупречный диагноз.

<http://bllate.org/book/20645/2151893>